

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»

*На правах рукописи*

Сальникова Дарья Вячеславовна

**Взаимосвязь между объективным и субъективным экономическим  
благополучением населения в постсоветской России**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ  
на соискание ученой степени кандидата социологических наук  
(PhD)

**Научный  
руководитель:**

Доктор экономических наук  
Вадим Валерьевич Радаев

Москва – 2021

## Постановка проблемы

Во второй половине XX в. в фокусе внимания международного сообщества оказалась проблематика низкого уровня жизни в странах третьего мира. Изменение повестки дня привело к появлению отдельной группы исследователей, занимающихся изучением вопросов измерения уровня бедности и благополучия, а, впоследствии, к формированию отдельной субдисциплины «экономики развития». Начиная со второй половины XX в. также стал трансформироваться подход к определению и измерению благополучия. В частности, в силу того, что в развитых странах происходит смещение акцента в пользу постматериалистических ценностей, появляется необходимость в подобной трансформации<sup>1</sup> и социальный запрос на то, чтобы учитывать не только объективные, но и субъективные показатели благополучия. Эксперты и ученые стали обращать внимание на **ограничения измерения благополучия посредством только социально-экономической статистики**<sup>2</sup>. Экономико-ориентированный (ресурсный) подход к измерению сужает определение благополучия и приводит к отождествлению его только с одним его аспектом – материальным благосостоянием. В литературе все больше внимания стали уделять ошибкам измерения<sup>3</sup>, неоднозначности методологических подходов к получению социально-экономической статистики, что затрудняет оценивание межстрановых различий на основе соответствующих показателей. Осознание важности изучения субъективных показателей<sup>4</sup> привело к выделению в 1970-е гг. и последующему развитию еще одной субдисциплины «экономики счастья».

---

<sup>1</sup> Новикова С. С. Концепт счастья в условиях поиска новой парадигмы общественных наук // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 3. С. 137–143.

<sup>2</sup> Подузов А.А., Кукушкин Д.К. Индивидуальное благосостояние и его измерение // Проблемы прогнозирования. 2004. №2. С. 115–127.

<sup>3</sup> См., к примеру, Mankiw, N.G. and Shapiro, M.D. (1986) News or noise: An analysis of GNP revisions. *Survey of Current Business*, 66, pp. 20–25; Smith, R.J., Weale, M.R. and Satchell, S.E. (1998) Measurement error with accounting constraints: point and interval estimation for latent data with an application to U.K. Gross Domestic Product. *The Review of Economic Studies*, 65(1), pp. 109–134.

<sup>4</sup> Piekalkiewicz, M. (2017) Why do economists study happiness? *The Economic and Labour Relations Review*, 28(3), pp. 361–377.

Субъективные показатели заслуживают внимания в качестве отдельной составляющей благополучия, так как вопреки возможным ожиданиям, динамика оценок экономического благополучия далеко не всегда отражает изменения в объективных показателях. Это относится и к России постсоветского периода. Согласно данным опросов общественного мнения, оценки экономической ситуации в России остаются положительными в периоды снижения или замедления роста реальных доходов населения и показателей реального потребления<sup>5</sup>. Также справедливо, что рост реальных доходов населения не всегда сопровождается более высокими оценками населением своего материального положения. Такие расхождения косвенно указывают на ограниченность чисто экономического подхода. Более продуктивным представляется изучение факторов формирования оценок благополучия с позиций экономико-социологического подхода, рассматривающего человека как носителя и внутренних, и приобретенных предпочтений. Возможность изменения предпочтений индивида под влиянием благ и действий других индивидов<sup>6</sup> – необходимая предпосылка для объяснения расхождений между экономическими показателями и их оценками населением.

Обнаружение отсутствия связи между экономическим ростом и счастьем в долгосрочной перспективе (10 лет и более), известные в литературе как «парадокс Истерлина»<sup>7</sup>, стали отправной точкой для развития научной дискуссии о факторах, объясняющих это наблюдение. Тем не менее, отсутствие значимой взаимосвязи экономического роста и счастья отчасти

---

<sup>5</sup> См., к примеру, Экономическая ситуация: мониторинг оценок [Электронный ресурс] // ФОМнибус. 2016. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/13104> (дата обращения: 03.01.2020); Россияне о кризисе: худшее – уже позади? [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2009. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2137> (дата обращения: 03.01.2020); Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года / под ред. Л.Н. Овчаровой. Москва: НИУ ВШЭ, 2017. 56 с.

<sup>6</sup> Вайзе П. Homo Economicus и Homo Sociologicus: монстры социальных наук // Thesis. 1993. № 3. С. 115 – 130.

<sup>7</sup> Easterlin, R. (1974) Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Nations and Households in Economic Growth*, 89, pp. 89–125.

объяснимо. Счастье, субъективное благополучие – комплексные понятия и зависят от множества факторов<sup>8</sup>. При этом материальное положение объясняет относительно небольшую долю вариации показателей субъективного благополучия.

В данной диссертации вместо субъективного благополучия в целом мы изучаем более узкий концепт – субъективное экономическое благосостояние, иными словами, оценки индивидами своего материального положения. Такое сужение фокуса исследования является оправданным. Можно предположить, что по сравнению с субъективным благополучием в целом его отдельное, более узкое измерение, а именно оценки экономического благосостояния, сильнее связано с объективными показателями экономического благосостояния. А поскольку установлено, что динамика оценок материального положения расходится с изменениями объективных экономических показателей, особенно в среднесрочной и долгосрочной перспективе, этот факт является даже более парадоксальным, чем положение, известное как «парадокс Истерлина», и, соответственно, еще более обостряет исследовательскую проблему.

В данной диссертации мы обращаемся к вопросу о характере взаимосвязи показателей экономического благосостояния и их оценок населением. Для понимания условий формирования оценок материального положения необходимо учесть неоднородность влияния факторов на индивидуальном уровне (на примере показателей социального капитала) на субъективное экономическое благосостояние. А именно: на межстрановой выборке, включающей Россию, тестируется совместный эффект макроэкономических показателей и социального капитала. Также мы объясняем взаимосвязь реальных доходов и субъективных показателей материального положения в России во временной перспективе, обращаясь к теории адаптации.

---

<sup>8</sup> Карабчук Т. С., Сальникова Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. №5. С. 96-109.

## Степень разработанности проблемы исследования

Разработкой разных подходов к концептуализации субъективного благополучия занимались многие исследователи, в том числе: Р. Вееenhoвен, Дж. Виттерсо, Д. Гаспер, Э. Динер, М. Кларк, С. Линдерберг, Дж. Ормел, Э. Самнер, А. Сен, Н. Штеверинк. К проблемам измерения субъективного благополучия обращались М. Дианье, Э. Динер, Д. Канеман, А. Крюгер, А. Кожокару, Р. Лайярд, Э. Самнер, А. Феррер-и-Карбонелл, М. Хадлер, М. Халлер.

Среди российских авторов, изучающих субъективные показатели благополучия, можно назвать Л. Беляеву, А. Зудину, Т. Карабчук, П. Козыреву, М. Красильникову, С. Марееву, Г. Монусову, А. Немировскую, Э. Понарина, Г. Татарову. К изучению взаимосвязи объективного и субъективного благополучия обращались Г. Воронин, С. Гуриев, Е. Журавская, Т. Карабчук, М. Красильникова, Л. Родионова, Н. Тихонова. Данный список не включает исследователей психологического субъективного благополучия.

Изучение взаимосвязи показателей экономического благосостояния и их оценок населением имеет продолжительную историю в литературе, тем не менее, мы ограничились рассмотрением теоретических и эмпирических работ наиболее важного периода, начиная с 1974 г. В публикации этого года<sup>9</sup> Р. Истерлин обратился к проблематике взаимосвязи объективных и субъективных показателей благополучия и предпринял попытку выявить характер этой взаимосвязи, подкрепив свои выводы эмпирическим анализом (автор анализировал связь экономического роста и показателей счастья). Ряд исследователей впоследствии обращались к тестированию парадокса

---

<sup>9</sup> Easterlin, R. (1974) Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Nations and Households in Economic Growth*, 89, pp. 89–125.

Истерлина<sup>10</sup>: Р. Вееenhoвен, К. Грейхем, Л. МкВей, С. Петтинато, Б. Стивенсон, М. Суитек, Дж. Уолферс, М. Хейджерти.

Вклад в дискуссию о механизмах, позволяющих объяснить разрыв между субъективными и объективными показателями благополучия, внесли многие авторы. Р. Гунатилака, М. МкБрайд, Р. Истерлин, Д. Найт, Э. Прото, А. Рустичини, А. Штутцер обращались к теории материальных притязаний. В свою очередь, к факторам, участвующим в формировании материальных притязаний, относятся эффект сравнения своего положения с положением других людей (теория социального сравнения), а также эффект восприятия динамики своего положения (теория «привыкания» [habituation theory], также известная в литературе как теория адаптации). Такие авторы, как А. Кларк, Р. Маффелс, М. МкБрайд, С. Мэлцер, А. Феррер-и-Карбонелл, Г. Файербо, Л. Фестингер, М. Шредер, А. Штутцер, изучали эффект социального сравнения. В свою очередь, такие исследователи, как Д'Амбросио, Н. Боттан, Г. Вагнер, Э. Динер, А. Кларк, Р. Лукас, Р. Маффелс, С. Мэлцер, Р. Перес-Трулиа, Дж. Фрик, Б. Хиди внесли вклад в развитие и тестирование теории «привыкания». Э. Гельман, М. Зелли, Г. Крайкамп, Ш. Ойши, М. Питгау, Дж. Ротцер, Ф. Саррачино, Дж. Хелливелл тестировали страновые характеристики (к примеру, имущественное неравенство, ВВП на душу населения, уровень безработицы) в качестве модераторов взаимосвязи субъективного и объективного благополучия.

Тем не менее, до сих пор недостаточно изученными остаются теоретические механизмы, объясняющие характер этой взаимосвязи в России. Поэтому в рамках диссертационного исследования мы считаем важным не просто выявить характер взаимосвязи объективного и субъективного экономического благосостояния россиян, но и определить, чем он объясняется, и какие специфические условия (страновые характеристики) влияют на формирование оценок материального положения. В соответствии с

---

<sup>10</sup> Подробнее см.: Сальникова Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157-174.

этим диссертация состоит из двух частей, в которых рассматриваются последовательно индикаторы экономического благосостояния на макро- и микро-уровне. Первая часть вносит вклад в анализ экономического благосостояния на страновом уровне в качестве фактора взаимосвязи оценок материального положения и индивидуальных характеристик (на индивидуальном уровне рассматриваются показатели социального капитала<sup>11</sup>). Для этого мы проводим межстрановой анализ и рассматриваем Россию в контексте посткоммунистических стран. Вторая часть диссертации, напротив, рассматривает показатели экономического благосостояния на микро-уровне (уровне индивидов). Анализ дополняется изучением взаимосвязи реальных доходов и оценок материального положения в России во временной перспективе: протестирована теория адаптации.

В литературе уже были предприняты некоторые попытки протестировать теорию адаптации на российских данных. К примеру, было выявлено, что эффект дохода на удовлетворенность жизнью имеет точку насыщения (60000 р. в ценах 2012 г.)<sup>12</sup>. Положительный эффект реальных доходов выражен слабее среди людей с более высоким материальным положением. Ограничением этой работы является то, что автор использовал данные за один временной период, а именно за 2012 г. Таким образом, анализ охватывает разные доходные группы, однако не прослеживает изменения дохода во временной перспективе. Подобная проблема возникает и в другом исследовании<sup>13</sup>, в котором показано, что эффект изменения дохода на оценки материального положения в России сохраняет свою значимость на протяжении двух лет. Так как рассматриваемый временной охват является узким (1993 – 1995 гг.), возникает острая необходимость в более глубоком анализе и разграничении краткосрочного и долгосрочного эффектов реальных

---

<sup>11</sup> Подробнее см.: Salnikova, D. (2019) Factors of subjective household economic well-being in transition countries: Friends or institutions in need? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 39 (9/10), pp. 695-718.

<sup>12</sup> Родионова Л. Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 2. С. 386-393.

<sup>13</sup> Shyns, P. (2001) Income and satisfaction in Russia. *Journal of Happiness Studies*, 2(2), pp. 173—204.

доходов. Определение этих эффектов возможно на данных с длительным временным охватом. В диссертационном исследовании мы предпринимаем попытку преодолеть указанные ограничения и вносим вклад в тестирование теории адаптации, выполняя эмпирический анализ на панельных данных с доступным временным периодом 2000 – 2017 гг. (такие данные позволяют проследить одних и тех же индивидов во временной перспективе, в то время как в других исследованиях сравниваются индивиды из разных доходных групп).

**Цель исследования** – выявление и объяснение характера взаимосвязи показателей субъективного и объективного экономического благосостояния в России.

**Задачи исследования:**

1. На основе критического анализа источников выявить теоретические и методологические причины несогласованности результатов исследований между объективным и субъективным благополучием<sup>14</sup>.
2. Выявить характер взаимосвязи макроэкономических показателей и оценок материального положения на выборке посткоммунистических стран, включающей Россию.
3. Протестировать макроэкономические показатели в качестве модераторов взаимосвязи оценок материального положения и индивидуальных факторов (в исследовании рассматриваются показатели социального

---

<sup>14</sup> Результаты анализа представлены в следующих статьях: Сальникова Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157-174; Карабчук Т. С., Сальникова Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. №5. С. 96-109.

капитала) на межстрановой выборке (в фокусе анализа – посткоммунистические страны, в частности, Россия)<sup>15</sup>.

4. Протестировать теорию адаптации («привыкания») и определить на российских данных наличие и характер взаимосвязи объективного и субъективного экономического благосостояния как в краткосрочном, так и долгосрочном временном периоде<sup>16</sup>.

### **Научная новизна**

1. Выявлены источники расхождений в предыдущих исследованиях относительно характера эффекта и значимости объясняющих факторов субъективного экономического благосостояния. Установлено, в частности, что в межстрановой перспективе важно учитывать зависимость оценок материального положения населением от разных экономических и социально-культурных условий. В качестве наиболее продуктивного подхода для обеспечения сравнимости результатов, полученных на данных разных стран, предложено тестирование страновых характеристик как условий (так называемых, показателей-модераторов), от которых зависит значимость тех или иных факторов в формировании оценок экономического благосостояния. Также установлено, что при выполнении анализа во временной перспективе причиной расхождений в выводах относительно характера взаимосвязи объективного и субъективного

---

<sup>15</sup> Результаты решения второй и третьей задач представлены в статье Salnikova, D. (2019) Factors of subjective household economic well-being in transition countries: Friends or institutions in need? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 39 (9/10), pp. 695-718.

<sup>16</sup> Результаты решения задачи представлены в статьях: Порецкова А. А., Сальникова Д. В. Гендерные различия как фактор взаимосвязи цен и их восприятия населением // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 452-466; Карабчук Т. С., Сальникова Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. №5. С. 96-109. Дополнительно см.: Сальникова Д. В. Самооценка населением материального положения как индикатор изменения в реальных доходах населения. В сборнике: Материалы IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», 20—21 марта 2019 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. Москва: АО «ВЦИОМ», 2019. С. 368 – 373.

экономического благосостояния является то, что в силу эффекта адаптации характер взаимосвязи меняется с течением времени<sup>17</sup>.

2. На данных посткоммунистических стран (в частности, России) показано, что показатели экономического благосостояния на макроуровне, включая рост ВВП на душу населения, широту социальных программ, эффективность антиинфляционной политики, не оказывают значимого влияния на формирование оценок экономического благосостояния.
3. На данных посткоммунистических стран (в частности, России) протестированы альтернативные теории эффекта усиления [crowding-in effect] и эффекта вытеснения [crowding-out effect]. В результате выявлен значимый совместный эффект макроэкономических показателей и социального капитала, измеряемого на индивидуальном уровне, на оценки населением своего материального положения. Выявлено подтверждение более выраженного положительного эффекта социального капитала в условиях более широких социальных программ и более эффективной антиинфляционной политики, что согласуется с теорией эффекта усиления [crowding-in theory].
4. Автором подтверждена релевантность теории адаптации [«привыкания»] для объяснения взаимосвязи объективного и субъективного экономического благосостояния в России. Эффект от изменения реальных доходов (как от увеличения, так и от уменьшения доходов) на субъективное экономическое благосостояние ослабляется с течением времени.
5. На российских данных выявлены значимые различия в эффекте изменений в реальных доходах (иными словами, различия в длительности эффекта адаптации) на удовлетворенность материальным положением между разными социальными группами. Показано, что для мужчин эффект адаптации является более краткосрочным, чем для женщин. Кроме того,

---

<sup>17</sup> Подробнее о выявленных причинах несогласованности результатов см.: Сальникова Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157-174.

люди с высшим образованием и более высоким доходом быстрее адаптируются к изменениям в реальных доходах.

### **Апробация исследования**

1. Результаты работы над диссертацией использовались автором в рамках практических занятий курсов «Panel data: Analysis and Applications for the Social Sciences» (факультет социальных наук, НИУ ВШЭ) и «Многомерный статистический анализ в политологии» (факультет социальных наук, НИУ ВШЭ).
2. Результаты работы над диссертацией представлены автором на трех международных конференциях, научном семинаре в университете им. Отто-Фридриха в Бамберге [Chair of Methods of Empirical Research, Otto-Friedrich University of Bamberg, Germany]. На основании теоретических наработок диссертационного исследования автором прочитана лекция «Благополучие – это субъективная реальность или функция социальных условий?» в Фонде Общественное Мнение (ФОМ, Москва, Россия).
3. Результаты работы над диссертацией использовались при реализации профинансированного РФФИ проекта «Факторы различий между динамикой потребительских цен и их оценками населением на примере Москвы и Краснодарского края».

### **Теоретическая основа исследования и гипотезы**

Теоретической основой исследования является теория адаптации<sup>18</sup>, согласно которой эффект от изменения дохода на субъективное экономическое благосостояние ослабляется с течением времени. Для

---

<sup>18</sup> См., например: Bontan, N. and Perez-Truglia R. (2011) Deconstructing the hedonic treadmill: is happiness autoregressive? *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 40(3), pp. 224–236; Clark, A., Frijters, P. and Shields, M. (2008) Relative income, happiness, and utility: An explanation for the Easterlin Paradox and other puzzles. *Journal of Economic Literature*, 46(1), pp. 95-144; Frederick, S. and Loewenstein G. (1999) 'Hedonic adaptation', in Kahneman, D., Diener, E. and Schwarz N. (eds.) *Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology*. New York: Russell Sage Foundation, pp. 302–329.

интерпретации результатов тестирования макроэкономических показателей<sup>19</sup> (экономическое благосостояние на страновом уровне) в качестве модераторов взаимосвязи субъективного экономического благосостояния и факторов (а именно индикаторов социального капитала) на индивидуальном уровне мы обратились к теориям эффекта усиления [crowding-in effect: взаимное усиление эффекта социального капитала и макро-показателей – страновых характеристик – на субъективное экономическое благосостояние]<sup>20</sup> и эффекта вытеснения [crowding-out effect: обращение к ресурсам социального капитала компенсирует низкий уровень экономического благосостояния]<sup>21</sup>.

В диссертации мы ограничиваемся рассмотрением только когнитивного измерения субъективного благополучия, источником которого являются оценки жизни и ее аспектов согласно значимым для индивида критериям определения «наихудшего» – «наилучшего»<sup>22</sup>. Выбор этого измерения согласуется с общей теоретической рамкой, базирующейся на теориях относительного дохода<sup>23</sup>. Аффективное измерение благополучия выходит за рамки диссертации, так как данное измерение – предмет преимущественно психологических исследований<sup>24</sup>. Кроме того, в формирование аффективного

---

<sup>19</sup> Salnikova, D. (2019) Factors of subjective household economic well-being in transition countries: Friends or institutions in need? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 39 (9/10), pp. 695-718.

<sup>20</sup> Brewer, K, Oh, H. and Sharma, S. (2014) “Crowding in” or “crowding out”? An examination of the impact of the welfare state on generalized social trust. *International Journal of Social Welfare*, 23(1), pp. 61 – 68; Gesthuizen, M., Scheepers, P. and Visser, M. (2018) The crowding in hypothesis revisited: new insights into the impact of social protection expenditure on informal social capital. *European Societies*, 20 (2), pp. 257 – 280.

<sup>21</sup> Arts, W. and van Oorschot, W. (2005) The social capital of European welfare states: the crowding out hypothesis revisited. *Journal of European Social Policy*, 15(5), pp. 5 – 26; Brewer, K, Oh, H. and Sharma, S. (2014) “Crowding in” or “crowding out”? An examination of the impact of the welfare state on generalized social trust. *International Journal of Social Welfare*, 23 (1), pp. 61 – 68; Ostrom, E. (2000) Crowding out citizenship. *Scandinavian Political Studies*, 23(1), pp. 3 – 16.

<sup>22</sup> Veenhoven, R. (2008) ‘Sociological theories of subjective well-being’, in Eid, M. and Larsen, R.J. (eds.) *The science of subjective well-being*. New York/London: The Guilford Press, pp. 44 – 62.

<sup>23</sup> Подробнее см.: Ferrer-i-Carbonell, A. (2005) Income and well-being: an empirical analysis of the comparison income effect. *Journal of Public Economics*, 89(5/6), pp. 997-1019; Di Tella, R., Haisken-De New, J. and MacCulloch, R. (2010) Happiness adaptation to income and to status in an individual panel. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 76(3), pp. 834–852; Paul, S. and Guilbert, D. (2013) Income-happiness paradox in Australia: Testing the theories of adaptation and social comparison. *Economic Modelling*, 30, pp. 900–910.

<sup>24</sup> Bradburn, N. (1969) *The structure of psychological well-being*. Chicago: Aldine; Ryff, C. D. (1989) Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social*

благополучия вносят вклад много несистематических случайных факторов. Это вызывает проблемы сопоставимости показателей аффективного благополучия во временной и межстрановой перспективе.

В диссертации тестируются следующие **гипотезы**:

**H1.** В посткоммунистических странах (включая Россию) отсутствует значимая взаимосвязь макроэкономических показателей и субъективного экономического благосостояния населения.

**H2.** В посткоммунистических странах (включая Россию) макроэкономические показатели являются модераторами взаимосвязи социального капитала и субъективного экономического благосостояния.

**H2.1** В посткоммунистических странах (включая Россию) в условиях более широких социальных программ и более эффективной антиинфляционной политики положительный эффект социального капитала на субъективное экономическое благосостояние ослабляется.

**H3.** В России наблюдается значимый эффект адаптации [«привыкания»] субъективного экономического благосостояния к изменениям в реальных доходах населения.

Третья гипотеза (H3) сформулирована в соответствии с результатами предшествующих исследований развитых стран, демонстрирующих релевантность теории адаптации для объяснения характера взаимосвязи объективных и субъективных показателей во временной перспективе<sup>25</sup>. У нас не было основания полагать, что посткоммунистические страны демонстрируют другие результаты. Относительно характера эффекта показателей на макро-уровне и характера совместного эффекта социального

---

*Psychology*, 57(6), pp. 1069-1081.

<sup>25</sup> См., к примеру, Burchardt, T. (2005) Are one man's rags another man's riches? Identifying adaptive expectations using panel data. *Social Indicators Research*, 74(1), pp. 57 – 102; Di Tella, R., Haisken-De New, J. and MacCulloch, R. (2010) Happiness adaptation to income and to status in an individual panel. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 76(3), pp. 834–852.

капитала и макроэкономических показателей консенсуса в литературе нет, и мы, опираясь на специфику социального капитала и формальных институтов в посткоммунистических странах<sup>26</sup>, формулируем первую и вторую гипотезы (H1, H2 и, в частности, H2.1).

## **Методология**

Эмпирическая часть диссертационного исследования состоит из двух частей. Далее мы последовательно для каждой части описываем данные и их источники, показатели и методы.

### **1. Первая часть эмпирического анализа. Факторы субъективного экономического благосостояния в посткоммунистических странах**

#### **1.1. Источники данных**

В данной части исследования мы оцениваем эффект макроэкономических факторов на субъективное экономическое благосостояние домохозяйств в посткоммунистических странах. Исследование «Life in Transition Survey» проводится Всемирным Банком и Европейским банком реконструкции и развития начиная с 2006 г. (на настоящий момент доступны данные опросов 2006 г., 2010 г., 2016 г.). Для анализа выбрана вторая волна исследования, проведенная в 2010 г., что позволяет зафиксировать оценку экономического благосостояния домохозяйств в посткризисный период (вторая волна опроса включает набор вопросов для измерения эффекта экономического кризиса 2008 г. на благосостояние домохозяйств). Третья волна 2016 г. не рассматривается по причине того, что вопрос про эффект кризиса на домохозяйства задавался только в Греции, что не позволило бы провести сравнение в межстрановой

---

<sup>26</sup> Обоснование этого предположения представлено в Salnikova, D. (2019) Factors of subjective household economic well-being in transition countries: Friends or institutions in need? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 39 (9/10), pp. 695-718.

перспективе. Первая волна 2006 г. не была включена по причине ограниченного набора доступных индикаторов.

Итоговый массив данных для первой эмпирической части диссертации представляет межстрановую выборку за 2010 г., включающую 28065 наблюдений (индивидов) по 29 странам, в частности, России. Помимо опросных данных – характеристик домохозяйств – массив содержит характеристики стран, источниками которых являются Bertelsmann Transformation Index Project и Всемирный банк.

## **1.2. Основные показатели**

Для измерения субъективного экономического благосостояния домохозяйств используется вопрос «Представьте лестницу из 10 ступеней, в которой 10% наиболее бедных людей в стране располагаются на 1-ой ступени, а на 10-ой – соответственно, 10% наиболее богатых людей. Оцените, пожалуйста, на какой ступени располагается Ваше домохозяйство?» В роли факторов субъективного экономического благосостояния протестированы индикаторы социального капитала<sup>27</sup>: а именно, доверие семье, доверие друзьям и знакомым, доверие большинству людей, количество потенциальных источников помощи (количество людей, к которым индивид мог бы обратиться за помощью). В качестве макроэкономических показателей мы использовали индикатор развития системы социальной защиты (насколько реализуемая система социальной защиты позволяет снизить социальные риски и насколько широко социальные программы охватывают население страны) и эффективность антиинфляционной политики государства. Контрольными переменными выступает ряд доступных характеристик домохозяйств, не вызывающих дополнительную эндогенность при моделировании: пол и возраст главы домохозяйства, количество детей в семье, тип населенного

---

<sup>27</sup> Подробнее про обоснование выбора социального капитала в качестве одного из ключевых предикторов см.: Salnikova, D. (2019) Factors of subjective household economic well-being in transition countries: Friends or institutions in need? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 39 (9/10), pp. 695-718.

пункта (выделены столичный город, городская местность, сельская местность). Кроме того, на уровне стран проконтролирован рост ВВП на душу населения.

### 1.3. Методы анализа данных

В соответствии с результатами предшествующих исследований<sup>28</sup> оценки экономического благосостояния варьируются значительно как на индивидуальном, так и на страновом уровне. Для того, чтобы учесть разные источники вариации, мы оценили регрессионные модели со смешанными эффектами. Основная идея этого класса моделей заключается в том, что они оценивают средний характер взаимосвязи зависимой переменной и предикторов в целом по всей выборке и определяют, есть ли страновая специфика (иными словами, то, насколько отклоняется изучаемая взаимосвязь в отдельной стране от среднего значения по выборке). В контексте данного исследования мы оцениваем, оказывают ли в среднем макроэкономические показатели (индикаторы социальной защиты, антиинфляционной политики) эффект на оценку материального положения домохозяйств в посткоммунистических странах. Включение переменных взаимодействия в модели позволяет протестировать, зависит ли эффект социального капитала, измеряемого на индивидуальном уровне, на субъективное экономическое благосостояние от макроэкономических показателей. Для проверки результатов на устойчивость мы применили регрессионный анализ с фиксированными эффектами, который представляет альтернативный способ моделирования гетерогенности на страновом уровне. Зависимая переменная – оценка положения домохозяйства на лестнице материального благополучия – имеет 10 категорий, что позволяет работать с ней как с непрерывной (то есть,

---

<sup>28</sup> Biswas-Diener, R., Diener, E. and Vitterso, J. (2005) Most people are pretty happy, but there is cultural variation: The Inughuit, the Amish, and the Maasai. *Journal of Happiness Studies*, 6, pp. 205–226; Headey, B. and Wearing, A. (1992) *Understanding happiness: A theory of subjective well-being*. Melbourne, Victoria, Australia: Longman Cheshire; Lucas, R. E., Clark, A. E., Georgellis, Y. and Diener, E. (2003) Reexamining adaptation and the set point model of happiness: Reactions to changes in marital status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84(3), pp. 527–539.

не вводить дополнительные поправки на разные расстояния между категориями). Для обоснованного перехода от категориальной шкалы к непрерывной в диссертации сравниваются оценки линейных и логистических регрессионных моделей.

## **2. Вторая часть эмпирического анализа. Тестирование эффекта адаптации на российских данных**

### **2.1. Источники данных**

В фокусе второй части эмпирического анализа диссертации – взаимосвязь экономического благосостояния и его оценок населением в одной стране – России. Межстрановой анализ дополняется на данном этапе рассмотрением временной перспективы. Проследить взаимосвязь объективного и субъективного экономического благосостояния на индивидуальном уровне в динамике позволяет исследование Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее – РМЭЗ НИУ ВШЭ). В диссертации используется полная выборка с 2000 г. до 2017 г., в которую входят не только наблюдения из репрезентативной выборки, но и наблюдения из панельной выборки (участники базовой волны опроса). РМЭЗ НИУ ВШЭ как источник данных для тестирования гипотез о взаимосвязи ключевых переменных во временной перспективе выбран по следующим причинам:

- РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяет проследить одних и тех же респондентов, а также домохозяйства, во временной перспективе. Мы тестируем, позволяет ли теория адаптации объяснить характер взаимосвязи объективного и субъективного экономического благосостояния в России, для чего необходимо анализировать динамику реальных доходов и оценок материального положения и учитывать изменение основных характеристик изучаемых индивидов и их домохозяйств с течением времени.

- РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет альтернативные показатели для измерения субъективного экономического благосостояния, которые могут быть использованы для проверки результатов на устойчивость.
- В РМЭЗ НИУ ВШЭ данные представлены как на уровне индивидов, так и на уровне домохозяйств. Это позволяет учесть факт распределения финансовых средств между членами одного домохозяйства, а не только личный доход.

Итоговый массив для второй части эмпирического анализа включает 102562 наблюдений (индивидов) и охватывает респондентов 16 лет и старше. Во-первых, 16 лет – нижняя граница трудоспособного возраста в России. Во-вторых, более молодые люди склонны оценивать свое благополучие на основе аффективной, а не когнитивной компоненты<sup>29</sup>, что делает нерелевантным тестирование теории адаптации на младшей группе респондентов.

## 2.2. Основные показатели

Для измерения субъективного экономического благосостояния мы используем показатель степени удовлетворенности личным материальным положением. Объективное экономическое благосостояние, в свою очередь, операционализируется с помощью индикаторов совокупного личного дохода за последние 30 дней и размера дохода за последние 30 дней, приходящегося в среднем на одного члена домохозяйства (показатели приведены к ценам 2017 г.). Мы осознаем, что такое измерение, в силу того, что респонденты сами представляют данные о своих доходах, также может иметь субъективную составляющую, что является одним из ограничений этого исследования. Дополнительно контролируются временные эффекты (год опроса), региональные эффекты (регион проживания респондента), возраст, возраст в квадрате для того, чтобы учесть нелинейный эффект возраста<sup>30</sup>, наличие

<sup>29</sup> Sumner, L.W. (1996) *Welfare, happiness, and ethics*. Oxford: Clarendon Press.

<sup>30</sup> Blanchflower, D.G. and Oswald, A.J. (2006) Is well-being U-shaped over the life cycle? *Social Science and*

высшего образования, тип населенного пункта (города, города – региональные центры, поселки городского типа, сельская местность), семейное положение индивида (состоит в браке, в частности, в гражданском браке или не состоит) и статус занятости.

### **2.3. Методы анализа данных**

Для исключения смещения, обусловленного отбором, мы предварительно проверили, что статус занятости не влияет на вероятность пропущенного значения в переменных доходов. Для тестирования теории адаптации в контексте взаимосвязи экономического благосостояния и его оценок индивидами мы обратились к динамическим моделям. Этот класс моделей включает как текущее значение реальных доходов (за текущий год), так и их лагированные значения (за предыдущие годы) в качестве объясняющих переменных. Таким образом, мы можем проследить, как эффект экономического благосостояния меняется с течением времени. Для проверки на устойчивость были оценены модели со смешанными эффектами, учитывающие возможную зависимость между индивидами, принадлежащими к одному домохозяйству. Это необходимо в силу того, что характеристики домохозяйства (к примеру, его структура, общий доход, получаемый всеми членами семьи) могут иметь влияние на удовлетворенность материальным положением на индивидуальном уровне<sup>31</sup>. С поправкой на категориальную шкалу зависимой переменной оценены логистические порядковые регрессионные модели.

---

*Medicine*, 66(8), pp. 1733–1749.

<sup>31</sup> Bradbury, B. (2004) Consumption and the within-household income distribution: Outcomes from an Australian “Natural Experiment”. *CESinfo Economic Studies*, 50(3), pp. 501 – 540.

### **Положения, выносимые на защиту:**

- 1) Показатели экономического благосостояния на макроуровне (на уровне стран) не участвуют в формировании оценок населением своего экономического благосостояния в посткоммунистических странах (в частности, в России). Такие факторы, как широта социальных программ, рост ВВП на душу населения, эффективность антиинфляционной политики, не оказывают значимого эффекта на оценки населением своего материального положения.
- 2) Макроэкономические показатели являются модераторами взаимосвязи оценок материального положения и социального капитала. Более широкие социальные программы и более эффективная антиинфляционная политика усиливают положительный эффект доверия семье и друзьям/знакомым на субъективное экономическое благосостояние.
- 3) Значимым для формирования оценок благосостояния является не абсолютные значения реальных доходов, а изменения реальных доходов во временной перспективе. Индивиды преимущественно реагируют на динамику реальных доходов: увеличение реальных доходов в среднем при прочих равных способствует росту оценок удовлетворенности индивида своим материальным положением и более высокой самоидентификации на лестнице материального благополучия, в то время как отрицательная динамика реальных доходов приводит к более низким оценкам материального положения.
- 4) Теория адаптации [«привыкания»] позволяет объяснить взаимосвязь объективного и субъективного экономического благосостояния в России. Связь между изменениями в реальных доходах и субъективным благосостоянием является нелинейной: положительный эффект от роста реальных доходов затухает с течением времени. В России происходит полная адаптация оценок материального положения к изменениям в реальных доходах: в среднем через 5 лет после изменений в реальных

доходах оценки материального положения возвращаются к некоторой «стартовой» точке.

- 5) В России наблюдаются значимые различия в эффекте адаптации к изменениям в реальных доходах между разными социальными группами, выделенными по гендерному признаку, уровню образования и дохода. Мужчины, люди с высшим образованием, более высоким уровнем дохода быстрее адаптируются к изменениям в реальных доходах.

## **Результаты исследования**

### **1. Источники несогласованности в результатах исследований факторов субъективного экономического благосостояния**

На основании критического анализа эмпирических исследований, изучающих взаимосвязь объективных и субъективных показателей благополучия, можно обозначить следующие причины отсутствия согласованности в результатах<sup>32</sup>. Одной из причин является то, что значимость тех или иных факторов в формировании субъективных оценок зависит от страновых характеристик (находит подтверждение социологическая теория социальной укорененности<sup>33</sup>). Оценки материального положения формируются в разных (не универсальных) экономических и социально-культурных условиях. В силу такой зависимости субъективного экономического благосостояния от контекста особенно важным в эмпирическом анализе становится выбор и обоснование подхода работы с неоднородностью изучаемых пространственных единиц (стран / регионов).

---

<sup>32</sup> Подробнее см.: Сальникова Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157-174; Карабчук Т. С., Сальникова Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. №5. С. 96-109.

<sup>33</sup> Helliwell, J., Barrington-Leigh, C., Harris, A. and Huang H. (2010) 'International evidence on the social context of well-being', in Diener, E., Kahneman, D. and Helliwell, J. (eds.) *International differences in well-being*. New York: Oxford University Press, pp. 291 – 327; Tov, W. and Diener, E. (2000) 'Culture and subjective well-being', in Diener, E. and Suh, E.M. (eds.) *Culture and subjective well-being*. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 9–41.

Среди таких подходов – моделирование со смешанными эффектами, а также моделирование латентных индивидуальных различий. Отдельное внимание заслуживает тестирование страновых характеристик – экономическое благосостояние на макроуровне – как условия взаимосвязи субъективных оценок экономического благосостояния и индивидуальных характеристик. Иными словами, интерес представляет, как значимость факторов субъективного экономического благосостояния изменяется в зависимости от объективных показателей экономического положения страны.

Ряд авторов<sup>34</sup> дополнительно рассматривают изменения благополучия во времени. В этом случае причиной несогласованности в результатах эмпирических исследований является то, что эффект объективных экономических показателей не постоянный, а изменяется с течением времени в результате адаптации индивидов. Поэтому результаты зависят от временного охвата, доступного для анализа по изучаемой стране. Следует дифференцировать краткосрочный и долгосрочный эффекты экономических показателей на оценки благосостояния населением.

Дополнительно расхождения в результатах проведенных эмпирических исследований могут объясняться использованием разных референтных групп в контексте тестирования теорий социального сравнения, смещением эффектов времени, возраста и когорт<sup>35</sup>, рядом методологических ограничений (в частности, сложности в измерении латентных факторов, к примеру, теневой экономики, вызывают смещение полученных результатов и ограничивают возможность сопоставления).

Выводы о причинах расхождений были учтены при подготовке эмпирической части диссертации. Так, в первой части эмпирического анализа

---

<sup>34</sup> См., к примеру, Bontan, N. and Perez-Truglia, R. (2011) Deconstructing the hedonic treadmill: is happiness autoregressive? *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 40(3), pp. 224 – 236; Diener, E. and Fujita, F. (2005) Life satisfaction set point: stability and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(1), pp. 158–164.

<sup>35</sup> Yang, Y. (2008) Social inequalities in happiness in the United States, 1972 to 2004: An Age-Period-Cohort analysis. *American Sociological Review*, 73(2), pp. 204 – 226.

мы обращаемся к тестированию страновых характеристик в качестве переменных-модераторов для понимания условий формирования оценок экономического благосостояния. Во второй части тестируем эффект адаптации как механизм, объясняющий характер связи между экономическим благосостоянием и его оценками в динамике.

## **2. Макроэкономические показатели как факторы субъективного экономического благосостояния**

Первая часть эмпирического анализа, проведенная на кросс-секционной выборке посткоммунистических стран (в частности, России) за 2010 г., позволяет сделать вывод о том, что макроэкономические факторы не участвуют непосредственно в формировании оценок населением своего экономического благосостояния<sup>36</sup>. В подтверждении нашей первой гипотезы (H1) результаты демонстрируют, что широта социальных программ, рост ВВП на душу населения, эффективность антиинфляционной политики, не оказывают статистически значимого эффекта на оценку положения домохозяйства на лестнице материального благополучия. Этот важный результат подтверждает выявленный ранее в литературе значительный разрыв между объективными экономическими показателями и их восприятием населением<sup>37</sup>.

В то же время, было выявлено, что социальные показатели (в нашем случае – показатели социального капитала) имеют значимый устойчивый положительный эффект на оценки материального положения. Показано, что рост показателей доверия и увеличение количества потенциальных источников помощи в среднем при прочих равных условиях приводят к более высокой самоидентификации на лестнице материального благополучия. Также важным результатом являются значимые межстрановые различия в

---

<sup>36</sup> Salnikova, D. (2019) Factors of subjective household economic well-being in transition countries: Friends or institutions in need? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 39 (9/10), pp. 695-718.

<sup>37</sup> Gimpelson, V. and Treisman, D. (2018) Misperceiving inequality. *Economics and Politics*, 30(1), pp. 27 – 54.

выраженности эффекта показателей социального капитала. Наибольшую неоднородность демонстрируют показатели обобщенного доверия и количества потенциальных источников помощи. Так, в Польше, Словакии, Словении, Чехии эффект данных показателей является более выраженным положительным по сравнению со средним по всей выборке. В свою очередь, в Беларуси, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, России, Таджикистане и Украине обобщенное доверие и количество потенциальных источников помощи не являются значимыми факторами оценок материального положения. Такие различия выступили основанием для последующего поиска страновых характеристик – условий, от которых зависит выраженность тех или иных факторов субъективного экономического благосостояния на индивидуальном уровне (в нашем случае – выраженность эффекта показателей социального капитала). Именно поэтому отдельным этапом эмпирического анализа диссертации стало тестирование совместного эффекта макроэкономических показателей и социального капитала.

Несмотря на низкую объяснительную силу страновых показателей экономического благосостояния, индикаторы на макроуровне являются значимыми модераторами взаимосвязи оценок материального положения домохозяйства и факторов на индивидуальном уровне, что подтверждает вторую гипотезу (H2), предложенную в рамках диссертации. Так, более развитая система социальной защиты (более широкие социальные программы) и более эффективная антиинфляционная политика усиливают положительный эффект такого индикатора социального капитала как доверия семье и друзьям/знакомым на субъективное экономическое благосостояние. Этот результат согласуется с теорией эффекта усиления [crowding-in effect] и противоречит нашей гипотезе о компенсирующем эффекте социального капитала (H2.1). Существует несколько механизмов, объясняющих подобный эффект. Один из них основан на том, что институциональные структуры социальной политики формируют отношение граждан к распределению благ. Реализация широких социальных программ создает нормативную культуру,

одобряющую солидарность внутри общества, тем самым повышая уровень межличностного доверия и укрепляя социальные взаимодействия<sup>38</sup>. Другой механизм, объясняющий эффект взаимного усиления [crowding-in effect], выстраивается на микро-уровне<sup>39</sup>. Социальная активность предполагает определенные финансовые издержки. Социальные выплаты позволяют покрыть представителям уязвимых социальных групп базовые потребности и предоставляют возможности для включения в социальную активность. Обеспечение экономической безопасности – необходимая предпосылка вовлеченности в неформальные социальные сети<sup>40</sup>.

Одновременно, не было найдено подтверждения в пользу эффекта взаимного усиления между показателями экономического благосостояния на макроуровне, с одной стороны, и доверием большинству людей, а также количеством людей, к которым индивид потенциально мог бы обратиться за помощью, с другой стороны. Возможным объяснением для этого является то, что обобщенное доверие и количество потенциальных источников помощи предполагают смешанный эффект доверия разным социальным группам. Радиус «большинства людей» также значительно различается между странами<sup>41</sup>.

Полученные результаты относительно слабой связи объективных и субъективных показателей подчеркивают, что благосостояние населения несводимо к одному измерению, и указывают на важность развития методик построения многомерных индексов благосостояния. Незначимость

---

<sup>38</sup> Arts, W. and van Oorschot, W. (2005) The social capital of European welfare states: the crowding out hypothesis revisited. *Journal of European Social Policy*, 15(5), pp. 5 – 26; Gelissen, J., van Oorschot, W. and Roosma, F. (2013) The Multidimensionality of welfare state attitudes: a European cross-national study. *Social Indicators Research*, 113(1), pp. 235 – 255.

<sup>39</sup> Gesthuizen, M., Scheepers, P. and Visser, M. (2018) The crowding in hypothesis revisited: new insights into the impact of social protection expenditure on informal social capital. *European Societies*, 20(2), pp. 257 – 280.

<sup>40</sup> Van der Meer, T., Scheepers, P. and Te Grotenhuis, M. (2008) 'Does the state affect the informal connections between its citizens? New institutionalist explanations of social participation in everyday life', in Meulemann, H. (eds.) *Social capital in Europe: similarity of countries and diversity of people? Multilevel analyses of the European Social Survey*. Leiden: Brill. pp. 41 – 72.

<sup>41</sup> Delhey, J., Newton, K. and Welzel, C. (2011) How general is trust in "most" people? Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*, 76(5), pp. 786 – 807.

взаимосвязи экономических показателей на макроуровне и субъективных представлений индивидов о своем материальном положении свидетельствует о сложности прогнозирования поведенческой реакции населения на динамику объективных экономических показателей. Вывод о значимом совместном эффекте показателей на макроуровне и социального капитала позволяет обозначить в качестве продуктивного поля для последующих исследований выявление индивидуальных детерминант, обуславливающих ту или иную величину разрыва между субъективным материальным положением и объективными экономическими показателями.

### **3. Результаты тестирования теории адаптации на российских данных**

Кросс-секционный сравнительный анализ был дополнен нами анализом взаимосвязи объективного и субъективного экономического благосостояния во временной перспективе на российских данных<sup>42</sup>. Результаты второй части эмпирического анализа диссертации свидетельствуют о значимом положительном эффекте реальных доходов населения на их оценки своего материального положения. Этот вывод подтверждается как при анализе индивидуального дохода за месяц, так и дохода, приходящегося в среднем на одного члена домохозяйства. Результат также устойчив к смене операционализации субъективного экономического благосостояния: увеличение реальных доходов в среднем при прочих равных способствуют росту оценок удовлетворенности индивида своим материальным положением

---

<sup>42</sup> Порецкова А. А., Сальникова Д. В. Гендерные различия как фактор взаимосвязи цен и их восприятия населением // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 452-466; Карабчук Т. С., Сальникова Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. №5. С. 96-109. Дополнительно см.: Сальникова Д. В. Самооценка населением материального положения как индикатор изменения в реальных доходах населения. В сборнике: Материалы IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», 20—21 марта 2019 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. Москва: АО «ВЦИОМ», 2019. С. 368 – 373.

и более высокой самоидентификации на лестнице материального благополучия<sup>43</sup>.

На российских данных находит подтверждение теория адаптации [«привыкания»], что согласуется с нашей третьей гипотезой (НЗ). Значимым для формирования субъективного экономического благосостояния оказывается не абсолютное значение дохода, а предшествующая динамика реальных доходов: индивиды склонны сравнивать свое текущее материальное положение со своим положением в предыдущие временные периоды. Оценки динамических регрессионных моделей, включающих лагированные значения доходов, демонстрируют, что положительный эффект от увеличения доходов «затухает» с течением времени. Это в целом подтверждает теоретическое положение о том, что предельная полезность от потребления снижается, что, в свою очередь, вызывает уменьшение субъективных оценок материального положения. Другим объяснением, широко встречающимся в литературе, является изменение материальных притязаний индивида пропорционально получаемым доходам<sup>44</sup>.

В целом оценки экономического благосостояния демонстрируют относительную стабильность во времени: наиболее выраженными оказываются краткосрочные изменения субъективного экономического благосостояния. Дополнительно мы смоделировали авторегрессионный характер взаимосвязи последовательных значений субъективного экономического благосостояния (то есть, зависимость между последовательными значениями зависимой переменной), добавив в модель лагированные значения зависимой переменной. Результаты подтвердили, что субъективные показатели (оценка материального положения и самоидентификация на лестнице материального благополучия) имеют

---

<sup>43</sup> Формулировка вопроса из РМЭЗ НИУ ВШЭ: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

<sup>44</sup> Easterlin, R. (2001) Income and happiness: towards a unified theory. *The Economic Journal*, 111(473), pp. 465 – 484.

значимую авторегрессионную компоненту: значения в текущий период зависят от значений в предыдущий период. Показано, что в среднем за 5 лет при прочих равных условиях происходит полная адаптация оценок материального положения к изменениям в реальных доходах. То есть, оценки материального положения возвращаются к некоторой «стартовой» точке<sup>45</sup> после кратковременных «шоков». В более долгосрочной перспективе – периоде, превышающем 5 лет – отсутствует значимая связь между оценками материального положения и изменениями в реальных доходах.

Оценки коэффициентов при всех объясняющих переменных (в частности, контрольных переменных) при последовательном добавлении лагированных значений реальных доходов продемонстрировали устойчивость: сохранили свою значимость и знак. Неустойчивой оказалась только оценка коэффициента при предикторе «пол индивида», что может свидетельствовать о том, что мужчины и женщины по-разному реагируют на изменения в реальных доходах. Для проверки этого предположения мы дополнительно оценили модели на подвыборках, выделенных по гендерной принадлежности. Результаты подтвердили наличие значимых различий в эффекте адаптации к изменениям в доходах между мужчинами и женщинами. Так, для мужчин оценка влияния среднего размера денежных поступлений за 30 дней теряет значимость в краткосрочном периоде: эффект «затухает» за два года. При этом для женщин соответствующий эффект сохраняет значимость на протяжении как минимум пяти лет. Также мы выявили, что существуют значимые различия в адаптации в зависимости от уровня образования и уровня дохода. Люди с высшим образованием и с более высоким доходом при прочих равных условиях быстрее адаптируются к изменениям в реальных доходах. Подобные различия между социальными группами воспроизводятся также при анализе взаимосвязи личного дохода индивидов за 30 дней и удовлетворенности материальным положением.

---

<sup>45</sup> Diener, E. and Fujita, F. (2005) Life satisfaction set point: stability and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(1), pp. 158–164.

Полученные результаты с практической точки зрения могут быть полезны для прогнозирования субъективного экономического благосостояния. Экономический фактор изменения в реальных доходах имеет слабый потенциал для объяснения субъективного экономического благосостояния в долгосрочном периоде. Также для оценки реакции населения на изменения в доходах необходимо учитывать социальные факторы, учитывающие различия в длительности эффекта адаптации между разными социальными группами.

Косвенным подтверждением наличия эффекта социального сравнения на российских данных является полученный результат о том, что проживание в сельской местности повышает шансы быть удовлетворенным своим материальным положением по сравнению с городской местностью. Жители сельской местности могут оценивать свое благосостояние более высоко на фоне относительно низкого материального положения своего окружения. Проживание в городах, являющимися региональными центрами, напротив, снижает соответствующие шансы. Тестирование эффекта социального сравнения не является задачей нашего исследования, однако во избежание смещения в оценках при ключевых предикторах мы дополнительно проконтролировали медианный доход с дифференциацией по типу населенного пункта. Значимость показателя медианного дохода оказалась пограничной, что не позволяет сделать однозначные выводы относительно наличия эффекта социального сравнения. Тем не менее, этот результат требует дополнительной проверки в последующих исследованиях, в частности, посредством выделения референтных групп.

Результаты диссертационного исследования в целом показывают, что экономические теории имеют ограниченный потенциал в объяснении происхождения и вариации оценок населением экономического благосостояния. Более продуктивным оказывается экономико-социологический подход. Выявленные нами совместный эффект социального капитала и макроэкономических показателей в формировании оценок

материального положения, различия в эффекте адаптации к изменениям в реальных доходах между разными социальными группами подчеркивают продуктивность изучения субъективного экономического благосостояния в рамках экономической социологии.

**Публикации, выносимые на защиту:**

Сальникова Д. В. Факторы субъективного экономического благосостояния в странах с переходной экономикой: друзья или институты? // Международный журнал социологии и социальной политики. 2019. Т. 39 № 9/10. С. 695-718. (англ.)

Порецкова А. А., Сальникова Д. В. Гендерные различия как фактор взаимосвязи цен и их восприятия населением // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 452-466.

Сальникова Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157-174.

Карабчук Т. С., Сальникова Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. №5. С. 96-109.